

Деревянные тазы оказались увесистыми, а на повозке, кроме них, оставались ещё глиняная печка, аптечные кувшины, мясо, купленное у мясника, и вдобавок два маленьких кувшина с вином.

Вэнь-эрню заглянула в корзину с мясом и радостно воскликнула:

— Старший брат, ты купил и жир, и большую свиную кость! А это что — печень?

Она потянулась было рукой, чтобы порыться, но Вэнь Ецай поспешил остановить её:

— Не трогай, всё испачкаешь в жире.

Сказав это, он добавил:

— Сегодня пошёл пораньше и как раз успел купить этот кусок сала — чуть позже и не досталось бы. Из него я вытоплю масла, большую кость сварим в супе, а две отдам Давану с Эрваном — пускай грызут. А тот кусок, что ты сказала — это свиная печень, я её для твоего зятя купил.

Юй Шанчжи как раз изучал новый аптечный кувшин, слегка постучал по нему согнутым пальцем. Услышав своё имя, он повернул голову:

— Для меня?

Вэнь Ецай с довольным видом сказал:

— Свиная печень укрепляет зрение. Я, как только её увидел, сразу вспомнил. Не ошибся ведь?

С этими словами он достал ещё маленький мешочек с ягодами годжи и протянул Юй Шанчжи:

— Погляди, какие на вид — ярко-красные, крупные. Я вот решил — сварим вечером свиной печени с годжи, как следует тебя подлечим!

Юй Шанчжи сначала принялся к ягодам, затем взял одну, попробовал на вкус — мякоть плотная, сладкая, качество даже лучше, чем он ожидал.

— Это, должно быть, осенние ягоды прошлого года. Где ты их достал? Наверняка и стоили немало.

Увидев, что ягоды годжи можно есть просто так, Вэнь Ецай тут же зачерпнул горсть и пошёл их промыть — решил, что Юй Шанчжи будет грызть их как лакомство.

— Вот уж поистине удача, — заговорил он. — Возвращаясь домой на повозке, я как раз увидел одну тётку, она на солнышке сушила годжи — целое решето. Спросил её, и оказалось, что это из родни её мужа, ему из деревни на горе прислали. Невестка недавно родила, вот и решили, что надо кровь да силу подкрепить. Я попросил продать мне немного, она сказала, что с горы собрали, не покупное — и цену не заломила. Этот мешочек — десять вэней, а в уезде за такое просят добрые два-три десятка.

Пока рассказывал, сам тоже закинул ягодку в рот — сладость её сопровождалась лёгким лекарственным послевкусием. Вэнь Ецай скривился, не в его это вкусе.

— Я знаю, в глубине той горы, за домом, есть несколько диких кустов. Народ туда не добирается. Этим летом сходим, соберём первую завязь.

А первая завязь всегда самая ценная. Он спросил у Юй Шанчжи, так ли это, и, получив утвердительный ответ, настроение у него стало ещё лучше.

Когда всё купленное было разложено по своим местам, Вэнь Ецай, наконец, сел в зале, налил себе воды и дал ногам отдохнуть.

— Когда я возвращался, снова увидел, как брат Дашу в нашем поле пропалывает, а сорняки, что куры и утки едят, он ещё отдельно собрал. Сегодня Эрню принесла домой довольно много. Я сказал, что не стоит, а он всё настаивал, мол, пустяковое дело.

Ху Дашу помогал не просто так — всё из-за того, что раньше Юй Шанчжи вылечил его сына Сяо Дие-гера.

— Всего лишь сделал то, что должен был, а брат Дашу с супругом до сих пор не унимаются с благодарностью, — сказал Юй Шанчжи с лёгким вздохом.

Так было и в прошлой жизни Юй Шанчжи — когда выздоравливавшие больные или их родные возвращались в медицинский центр с благодарностями, он всегда терялся, не зная, как себя вести. К счастью, в доме Юй действовало строгое правило: кроме вышитых знамен с благодарностями, не позволялось принимать ни подарков, ни денег, ни угощений — что избавляло от множества хлопот.

Вэнь Ецай же вовсе не считал это чем-то сложным.

— Ты не переживай по пустякам. Брат Дашу и брат Пин помогают не просто так: во-первых, я с Пин-гером с детства хорошо ладил, во-вторых, они души не чают в своём Сяо Дие-гере. Долг за доброту — это же всегда обоюдное дело. В следующий раз, как с охоты что-нибудь принесу, поделюсь с ними дичью.

Юй Шанчжи слегка повернул голову в сторону Вэнь Ецай — будто неосознанно, но взгляд его

как будто упал точно на лицо собеседника. Тот, даже зная, что Юй Шанчжи ничего не видит, всё равно ощутил, как сердце вдруг сбилось с ритма, ударив лишний раз.

— Чего это ты так на меня посмотрел?

Юй Шанчжи запнулся:

— Как — так?

Вэнь Ецай подумал про себя: да он и не знает, как смотрит!

Ведь это он ещё не прозрел, но даже взгляда хватило, чтобы почувствовалась неясная нежность. Что ж будет, если зрение и правда вернётся?.. Да это же гиблое дело!

Вэнь Ецай почесал висок:

— Да ничего, я просто хотел сказать — ты не воспринимай помощь от брата Дашу как обузу. Он и правда человек с большим сердцем, вон к кому ни загляни в деревне — всем охотно помогает. Даже если бы не было дела с Сяо Дие-гером, он бы всё равно, скорее всего, не меньше старался бы для нас.

Юй Шанчжи понял, к чему тот клонит. Немного помолчал, но всё-таки озвучил то, что крутилось на языке:

— Я и не думаю иначе. Просто, знаешь, вижу, какой ты — и думаю, что это очень правильно. Общение с людьми ведь по сути простое: кто по-настоящему добр к тебе, тому и ты душу открой. А кто неискренен — с тем и стараться нечего, время только терять.

В одной деревне все веками живут плечом к плечу. Если ещё учесть родство через браки, то едва ли не все — хоть в пятом колене, да родственники. Попробуй угоди каждому — и с ног свалишься. А Вэнь Ецай в прежние годы наверняка немало слёз пролил, ведь в деревне его недолюбливали. Но и сейчас видно: те, кто рядом с ним по-настоящему — все говорят о нём только хорошее. Это уже говорит о многом.

Вэнь Ецай, услышав слова Юй Шанчжи, замер на миг, а потом, чуть растерянно, сказал:

— Это ты... сейчас, вроде как... хвалишь меня?

Юй Шанчжи слегка улыбнулся и как раз собирался что-то сказать, как вдруг у дверей в главный зал раздался голос Вэнь-эрню:

— Брааат, брат Юй тебе ленты для волос купил, ты видел?!

...

Только-только наметившаяся между ними тёплая, почти интимная атмосфера, вдруг лопнула, как пузырьрёк, пущенный рыбой в воде.

Юй Шанчжи пришлось сменить тему. Он достал две красные ленты:

— Сегодня в нашу деревню пришёл торговец с лотком. Всё, что ты просил — я купил. Эрню захотела ленты, я взял четыре штуки. К тому же прикупил бамбуковую вертушку для них с Санья — чтоб как раз на шестьдесят вэнь получилось, до последней монеты.

В семье — кто бы ни зарабатывал, все деньги идут в общий котёл. Раз он сегодня потратил, то должен сказать об этом Вэнь Ецаю.

Когда Вэнь Ецай услышал, что жёлтая жертвенная бумага у торговца вдруг стала стоить пять вэнь за две пачки, только и выдохнул — «и впрямь грабитель». Но как только увидел красные ленты, его лицо сразу же засияло улыбкой:

— Ты бы просто Эрню взял две штуки и хватит. А ты, оказывается, и про меня не забыл.

Юй Шанчжи, заметив, как Вэнь Ецай радуют даже такие дешёвые вещички, окончательно утвердился в мысли: в будущем, как только заработает серебра, он непременно будет искать для него что-то действительно хорошее.

Вэнь Ецай с радостью унес ленты в дом, аккуратно их убрал, а вернувшись, увидел, как Юй Шанчжи сидит и заваривает чай из дикой хризантемы, и тоже подошёл за чашкой.

Выпив полчашки, он вдруг вспомнил кое-что:

— Кстати, сегодня, когда я выезжал из деревни, столкнулся с Тан Вэнем — тем самым, который обручён с Ван Сяюем. Странное дело: погода вовсе не холодная, а он замотал лицо куском ткани — так плотно, что я бы его и не узнал, если бы не порыв ветра, который сорвал половину повязки.

Вэнь Ецай рассказывал это просто как деревенскую сплетню, не особо вкладывая смысл:

— Как ткань слетела, я и заметил, что у него на лице какая-то красная сыпь — теперь понятно, зачем закрывался. Я слышал, что у тех, кто сдает экзамены на государственные должности, помимо знаний, ещё и внешность проверяют. Если кто-то уродлив, с физическими увечьями или заметными шрамами на лице — сразу отсекают.

Юй Шанчжи, движимый профессиональной привычкой, тут же заметил:

— Высыпания на лице... возможно, он что-то не то съел. Если не лечить, может и шрам остаться.

Но Тан Вэнь к ним никакого отношения не имел, будет у него шрам или нет — не их забота.

□***

История с Тан Вэнем оказалась всего лишь мимолётной вставкой. Ни Юй Шанчжи, ни Вэнь Ецай не были любителями судачить за чужими спинами. Обмолвились — и забыли.

А поскольку вместе с покупками сегодня принесли домой и овощи, и мясо, стол в доме Вэнь в этот вечер оказался особенно щедрым.

Овощи, обваленные в муке и приготовленные на пару, с соусом приобрели совершенно особый вкус. С заднего двора принесли охапку стручковой фасоли, её обжарили со свиным мясом на вытопленном сале, в конце добавили соевую пасту и воды, тушили долго, да так, что и последнюю каплю ароматного подлива вытерли паровыми лепёшками из смешанной муки.

Две большие косточки с мясом сварили отдельно и отдали Давану и Эрвану — на костях специально оставили мясо. Псов уже давно не водили в горы, они и кролика толком поймать не могут, а если и дальше не баловать их мясом, то выйдет уж совсем несправедливо.

Печень с ягодами годжи сварили в виде супа. По-хорошему, туда следовало бы добавить и листья годжи, но в доме их не оказалось, пришлось обойтись тем, что было. Готовое блюдо получилось ни сладким, ни солёным — вкус у него специфический, печень тоже еда на любителя: кто-то обожает, а кто-то и запах перенести не может.

Юй Шанчжи услышал, как трое — братья и сестра — выражали сомнение, но всё равно настоял: каждому по чашке. Хоть и не по вкусу, но выпили. Этот суп можно назвать настоящим лечебным блюдом — он питает Инь, укрепляет печень и почки, а как раз в период Цинмина следует особенно заботиться о здоровье печени.

Теперь Вэнь Ецай уже не считал, что Юй Шанчжи излишне привередлив — подобные вещи, вероятно, и станут нормой в этом доме. В конце концов, Юй Шанчжи не станет вредить своим, а если так — чего бы не послушать? Тем более, он сам не брезгует свиной печенью, она же вкусная. Да что там — не то что в супе, даже просто отваренную в воде, нарезанную ломтиками и с уксусом, он мог съесть за раз несколько штук.

Вечером.

Управившись с живностью во дворе, Вэнь Ецай зашёл в дом с чашкой отвара в руках — и как

раз увидел, что Юй Шанчжи сам себе прощупывает пульс. Он сразу стал красться потише, не желая мешать. Однако слух Юй Шанчжи, чуткий как никогда, ещё раньше расслышал шаги снаружи.

— А-Е, — окликнул он.

Вэнь Ецай, услышав своё имя, тут же подскочил.

Когда Юй Шанчжи пил лекарство, тот всё равно не мог сидеть спокойно — протянул руку, схватил его за запястье и попытался сам нащупать пульс, подражая движениям. Раз-другой — и всё впустую, наугад, но Юй Шанчжи щекотало так, что он не сдержался и засмеялся.

— Давай, я тебя научу, — сказал он, отставив чашку, вытерев рот и перехватив руку Вэнь Ецай, подведя пальцы туда, где стоило нажимать.

Под подушечками пальцев ритмично пульсировала кровь — Вэнь Ецай сразу целиком сосредоточился на этом. Но тут он заметил, что подушечки пальцев у Юй Шанчжи покраснели, и нахмурился:

— Что с пальцами?

Юй Шанчжи сам уж и подзабыл. Услышав вопрос, шевельнул рукой и пояснил:

— Ничего, днём, когда плёл поднос, укололся оструганными бамбуковыми щепками.

— Как это «ничего»? — нахмурился Вэнь Ецай. — Я сейчас лампу поближе поднесу, гляну — а вдруг заноза в палец влезла? Если глубоко уйдёт, потом неделю заживать будет.

Он усадил Юй Шанчжи за стол, подвинул масляную лампу поближе и обжёг над огнём швейную иглу. Склонившись к свету, сам уже чуть не ослеп — но всё же разглядел крохотный кончик бамбуковой щепки.

— Потерпи, я сейчас её вытащу.

Сказав так, он осторожно подвёл кончик иглы под занозу и выковырнул её. Из пальца Юй Шанчжи тут же выступили две крохотные капли крови, и Вэнь Ецай, сам не понимая зачем, вдруг наклонился... и поднёс его палец к губам, чтобы облизать ранку.

Юй Шанчжи только почувствовал, как от прикосновения в кончике пальца резко вспыхнул жар, такой горячий, что боль даже перестала ощущаться, а по телу пробежала странная дрожь, щекощущая, щемящая изнутри. Вэнь Ецай и сам опомнился не сразу. То был порыв, случайное движение. Но осознав, что сделал, тут же смутился. Он осторожно поднял глаза на

своего мужа, боясь, что тот, стеснительный как девица, обидится или рассердится.

Но сколько ни ждал — Юй Шанчжи так и не вспыхнул. Он просто спокойно сказал:

— Уже поздно. Давай погасим свет, спать пора.

Успокоившись, Вэнь Ецай помог Юй Шанчжи лечь на постель, затем сам разделся, задул лампы и улёгся рядом.

Но едва устроился — как его вдруг обняли. Юй Шанчжи ещё никогда не был таким инициативным. На сей раз сам Вэнь Ецай, обычно дерзкий и бесцеремонный, весь сжался и оцепенел, не зная, как себя вести.

— Шанчжи...? — негромко позвал он.

Но дальше сказать ничего не успел — его губ коснулись тёплые, мягкие губы, и всё, что он хотел сказать, утонуло в этом поцелуе.

Сам Юй Шанчжи не знал, откуда в нём вдруг взялась такая смелость. Может, потому что он, как-никак, взрослый мужчина, здоровый, с живыми чувствами, ему нравятся мужчины, и он уже влюблён в Вэнь Ецай.

Разум будто лопнул, как перетянутая тетива. Но даже тогда он не позволил себе больше, чем этот поцелуй, хоть и жадный, затяжной, как отложенная тоска. В темноте прочие чувства обострились, и он вдруг заметил: давно не слышно, чтобы Вэнь Ецай дышал.

Испугавшись, он поспешно отстранился — и тут же услышал, как тот жадно хватанул воздух, раз-другой, с шумом втягивая его через рот.

Юй Шанчжи не сдержал тихий смешок:

— Вот ты ... Привык каждый раз меня лапать, как ни в чём не бывало, а теперь, гляди, даже дышать забыл.

Вэнь Ецай чувствовал, будто только что пережил клиническую смерть. В темноте он распахнул глаза так, будто надеялся сквозь темноту что-то разглядеть, а всё тепло в теле, казалось, скопилось у него в голове, стуча в висках.

На губах ещё оставалась влага того поцелуя — пусть он и был первым, он уже смутно понимал, что вот так — именно так — поступают супруги. Сердце у него колотилось, как обезумевшее, но даже в этом состоянии упрямство не сдавалось.

— Ты целуешься со мной — и даже не предупредишь? Я, между прочим, испугался! — пробормотал он, а потом, не давая Юй Шанчжи отстраниться, схватил его и уткнулся лбом в его грудь.

Казалось, в теле продолжали пылать крошечные, но неугасимые язычки пламени. Что-то в глубине подсказывало: нельзя сейчас отпускать Юй Шанчжи. И в следующую же секунду тот почувствовал, как Вэнь Ецай неловко, по-мальчишески, потянулся в ответ.

Но это было скорее укусом, чем поцелуем. Зубы с нажимом прижались к губам Юй Шанчжи, как будто Вэнь Ецай всерьёз решил: надо оставить на нём след. Словно щенок, Вэнь Ецай то и дело покусывал, то прижимался, а две его руки, подчиняясь какому-то внутреннему инстинкту, неугомонно шарили по всему телу Юй Шанчжи.

Тот сдерживался из последних сил, но пламя, что он сумел было заглушить, внезапно с новой силой взметнулось вверх. Даже если одежда была свободной, между двумя так тесно прижатыми телами нельзя было скрыть происходящего — тело выдавало всё без слов. Похоже, Вэнь Ецай тоже осознал, что происходит — движение его рук замерло, и он, чуть ли не машинально, попытался выскользнуть из объятий Юй Шанчжи. Но на этом этапе тот уже и не думал отпускать.

— А-Е... — прошептал он.

Меж ними бушевал жар, дыхание смешивалось в тесном пространстве под одеялом. Тепло нарастало, и чувства обострялись.

...

Ночь прошла под «ветром и дождём» — порывисто и беспорядочно.

Когда Юй Шанчжи открыл глаза, рядом ещё спал его супруг. Голова гера покоилась у него на плече, а под одеялом одна нога небрежно забралась поверх его. Юй Шанчжи лишь бессильно усмехнулся — сдвинул губы в лёгкой улыбке, но не стал шевелиться, чтобы не разбудить спящего.

Прошлой ночью они всё же не перешли ту грань: до конца дело так и не дошло. Хоть они и делили постель каждый день, без надлежащих обрядов и поклонов у очага Юй Шанчжи до сих пор чувствовал, что это неправильно.

Кроме того, сегодня день поминовения предков в горах. Юй Шанчжи до сих пор ни разу не поклонился перед родителями Вэнь Ецай, а уже осмелился считать их драгоценного сына своей собственностью — и это казалось ему совершенно недопустимым.

Вэнь Ецай всё ещё спал, и по дыханию супруга Юй Шанчжи не мог определить, который

сейчас час. За окном тихо моросил дождь, судя по звуку, не сильный. Раз уж дождь пошёл, значит, Вэнь Ецаю не нужно было рано вставать и идти в поле, можно было дать себе возможность поспать подольше.

Юй Шанчжи поначалу тоже собирался снова задремать, но как ни пытался, сон не шёл. Тогда он просто остался лежать, прижав к себе своего супруга, и слушал тихий стук дождя по крыше. Когда наконец дождь стих, а во дворе раздались голоса Эрню и собачье повизгивание Давана с Эрваном, он понял, что сейчас, должно быть, конец часа Мао — то есть около семи утра. Если уж Вэнь Ецай и позволял себе понежиться в постели, то просыпался примерно в это время.

И впрямь, его предположение оказалось верным — человек в его объятиях зевнул, потер лицо, как маленький зверек, и высунул голову из-под одеяла. Пусть он и проспал всю ночь в чужих объятиях, но, вспомнив события минувшего вечера, Вэнь Ецай всё равно бросил на Юй Шанчжи пару пристальных взглядов.

Что тут скажешь — кто бы мог подумать, что этот на вид мягкий и учтивый врач в нужный момент оказывается таким решительным и... изобретательным?

Юй Шанчжи, разумеется, не догадывался, какие мысли вертелись в голове у его супруга. Вскоре оба поднялись с постели, и каждый почувствовал на себе неприятную липкость — слишком уж влажная выдалась ночь. Прошлой ночью Вэнь Ецай не захотел двигаться, а Юй Шанчжи сам был не в состоянии, потому всё и ограничилось тем, что они лишь наспех протёрлись полотенцем и оставили как есть. Но к утру откладывать уже было нельзя — пришлось принести в комнату два таза воды, умыться как следует и переодеться в чистую одежду.

Вэнь-эрню, разумеется, и понятия не имела, чем занимались её брат с зятем ночью. С утра, по обычаю, полагалось есть финиковый пирог. Видя, что старший брат ещё не проснулся, она сама растопила печь и поставила пирог в пароварку.

Когда Вэнь Ецай вышел из комнаты с тазом воды, собираясь её вылить, а Юй Шанчжи последовал за ним, трое наконец столкнулись нос к носу.

Вэнь-эрню ахнула от неожиданности, заставив Юй Шанчжи замереть на месте.

— Эрню, что случилось?

В ответ она подошла ближе, прищурилась, пристально всматриваясь, а затем ткнула пальцем в уголок рта Юй Шанчжи:

— Брат Юй, ты что, вчера мяса переел? Глянь, у тебя губа лопнула!

Юй Шанчжи рефлекторно поднял руку и дотронулся до ранки — боли не было, значит, ранка

незначительная.

— Видно, какой-то ночной комар укусил, — невозмутимо отозвался он.

Он с двусмысленной улыбкой бросил фразу, в которой прозрачно намекнул, на что именно жалуется, но не увидел, как тот самый «комар», шедший впереди, споткнулся и едва не выплеснул таз воды прямо на порог.

К концу часа Чэнь (около девяти утра) всё было готово: Юй Шанчжи взял в руки бамбуковую трость, вместе с Вэнь Ецаем накинул на плечо по бамбуковой корзине, и они повели двух младших в сторону гор за деревней. В корзинах лежали свечи, благовония, бумажные деньги, финиковый пирог, выбранный в качестве подношения, и купленное накануне вино.

За несколько дней до Цинмина тоже дозволено было ходить на могилы, но лишь в том случае, если покойник был похоронен не более трёх лет назад. Потому в сам день праздника тех, кто шёл поклониться предкам, всегда было особенно много. Семейные могилы всех жителей деревни Селю располагались на заднем склоне горы, так что направление у всех было одно.

По пути они повстречали немало людей, и, увидев, что Вэнь Ецай ведёт Юй Шанчжи поклониться покойным родителям, все сразу поняли: этот приезжий молодой доктор теперь окончательно приручён и прочно привязан к своему безобразному и грубоватому Цай-геру.

Что ж, у каждого — своя судьба.

Но не успели они пройти и сколько-нибудь прилично, как Вэнь-санъя устал, и Вэнь Ецай, не колеблясь, нагнулся, позволяя тому взобраться себе на спину.

С той стороны дороги шагала сгорбленная старуха Ли — та самая, что сдала комнату в аренду Ху Дашу и его супругу. Её сопровождали сын с невесткой. Глаза у неё уже давно были слабы, и, прищурившись, она долго вглядывалась, прежде чем наконец сказала:

— Цай-гер, ты чего это Санъя с собой привёл? Он же хиленький, не дай бог на горе чего подхватит.

Это старая примета: больным нельзя ходить на кладбище — там тяжёлый, «холодный» дух, можно принести с собой домой что-то нечистое. К тому же Вэнь Ецай и сам раньше хотел бы взять Вэнь-санъя с собой, да разве было возможно? Каждый год на Цинмин шли дожди, и Вэнь-санъя обязательно тяжело заболел — не то что на гору взобраться, с постели-то встать не мог.

Стоило старухе Ли сказать это вслух, как несколько семей поблизости тут же повернулись посмотреть. Раньше они ещё опасались, что Вэнь Ецай может разозлиться, если начнут на него пялиться, но раз уж повод появился, то тут уж, как говорится, грех не посмотреть.

Кто-то заметил, что у Юй Шанчжи до сих пор зрение не вернулось, и выразительно цокнул языком с насмешкой на лице. Кто-то глянул на всё ещё хиленького Вэнь-санья, прильнувшего к спине брата, и со вздохом подумал: ну и что, что в доме теперь есть лекарь? Хворь, тянущаяся с рождения, не лечится так просто. Вряд ли этот ребёнок и вправду выживет.

Среди прочих были и Лю-данян с Су Цуйфэнь — обе дружны с семьёй Вэнь и относились к ним по-доброму. Они вышли вперёд, и одна из них, подойдя поближе, погладила Вэнь-санья по щеке и с искренним умилением воскликнула:

— Давненько мы Санья не видели, а глянь-ка, как он теперь похорошел! Щёчки порозовели, да и на лице чуть мяса набралось!

Вэнь Ецай тоже не упустил случая заговорить — во многом для того, чтобы и окружающие услышали:

— В этом году третий год, как мамы не стало. А раз уж Шанчжи теперь с нами, да и болезнь у Санья пошла на поправку, подумал: надо бы всей семьёй сходить, поклониться отцу с матерью.

Три года прошли — свежая могила стала обычной, теперь уже действительно было пора навестить предков всем вместе.

— Верно говоришь, — вздохнула Лю-данян. — Семья в сборе — вот и отцу с матерью на том свете будет спокойно.

Раз уж об этом речь зашла, у остальных тоже пропало желание судачить. Все только вздыхали кто громко, кто тише, а как только дорога свернула в сторону горы, постепенно разошлись каждый своей тропой.

Дорога вверх тут была не из трудных. Вэнь-санья упрямо захотел сам идти, и Вэнь Ецай позволил, только велел Вэнь-эрню внимательно за ним присматривать. Сам же он взял у Юй Шанчжи бамбуковую палку, которая на тропе только мешала, и крепко сжал его руку.

— На земле коренья и трава под ноги лезут — не торопись, я тебя проведу.

Шли медленно, но всё обошлось — добрались без всяких происшествий.

Увидев впереди знакомые холмики могил, Вэнь Ецай тихо вздохнул и, продолжая идти, рассказал Юй Шанчжи:

— Говорят, раньше в деревне Селю род Вэнь был большим, да вот беда — потомство редело. Начиная с моего прадеда и до Санья — уже четыре поколения по одному сыну в роду.

Слова его были неслучайны: по обычаю, вышедшие замуж девушки и геры не могли быть похоронены в родовом захоронении. Теперь, если окинуть взглядом склоны, из новых могил, возведённых за последние годы, виднелись только холмики Вэнь Юнфу и Цяо Мэй.

Подойдя к могилам, они не стали сразу становиться на колени. С последнего визита, что был ещё на Новый год, вокруг вновь проросли сорные травы. Вэнь Ецай вместе с Вэнь-эрню наклонился прополоть траву, а Юй Шанчжи с Вэнь-санья стали доставать из бамбуковых корзин принесённые подношения.

Когда всё было прибрано, а Вэнь Ецай лопаткой подровнял и насыпал свежей земли на оба холмика, он отряхнул руки и вместе с Юй Шанчжи и младшими братом с сестрой чинно встал на колени перед могилами родителей. Зажгли свечи, воткнули благовония, разложили угощения, принялись жечь бумажные деньги...

Из года в год Вэнь Ецай повторял один и тот же ритуал. Лишь в этом году впервые всё семейство было в сборе. Но, казалось, каждый раз всё происходило одинаково, подумал он. Столько слов накопилось за прошедший год, и всё же, стоило оказаться перед родительскими могилами, как ни одно из них не пожелало сойти с губ.

Юй Шанчжи уловил его необычную тишину и, потянувшись вслепую, легко обхватил его ладонь. Знакомое сухое тепло словно передало Вэнь Ецаю частицу силы — сдавившее горло щемящее чувство постепенно отступило. Спустя некоторое время он собрался с мыслями и, наконец, заговорил:

— Отец, мать... В этом году я пришёл к вам с новым зятем, а также с Эрню и Санья.

Сказав это, он не отпустил руки Юй Шанчжи, а другой рукой обнял Вэнь-эрню и Вэнь-санья.

— Давайте поклонимся отцу с матерью.

И тогда четверо человек, стоя перед могилами, низко и почтительно поклонились.

Когда выпрямились, Юй Шанчжи услышал, как по другую сторону от него Вэнь-эрню и Вэнь-санья уже не сдерживают слёз.

— Уу... папа, мама, я так по вам скучаю... — всхлипывая, первой не выдержала Вэнь-эрню. Почти сразу за ней заплакал и Вэнь-санья — судорожно, с перебоями в дыхании, но искренне и горько.

Он почти не помнил отца, а образ матери хранился в памяти лишь как смутный силуэт, и всё же осознание того, что их уже никогда не будет рядом, что он навсегда остался без родителей... Разве найдётся ребёнок, способный такое сдержать?

Брат с сестрой проплакали какое-то время, прижавшись друг к другу, а потом оба обратились к Вэнь Ецаю, словно в нём нашли последний якорь — и зарыдали в его объятиях. Пусть он и старался быть сильным, но в конце концов был всего лишь героем на девятнадцатом году жизни. Юй Шанчжи, услышав, как тот громко втягивает носом, сразу понял, что у его маленького супруга глаза давно налились слезами.

Вэнь Ецай, прижимая к себе Эрню и Санья, чувствовал, как в груди поднимается удушливая волна. Быть может, именно потому, что в этом году они пришли все вместе, тяжесть этих лет вдруг накинута на него с новой силой, готовая вырваться наружу. Он отчаянно пытался проглотить комок, сдержать слёзы, но...

И вдруг, как будто из ниоткуда, спину согрело что-то надёжное.

Пусть и не самые крепкие, но достаточно широкие руки обвили их троих и крепко прижали к себе. Вэнь Ецай на мгновение растерялся — словно всё вокруг стало нереальным. Он замер, словно осознав что-то важное, и только потом с запозданием поднял голову.

Взгляд Юй Шанчжи, по-прежнему пустой и без опоры, не смог скрыть того, что отражалось в глубине души. Там словно теплился маленький, но такой согревающий огонёк — тихий, устойчивый, такой, в который хотелось броситься очертя голову и больше никогда из него не выбираться.

Если раньше Вэнь Ецай ещё пытался держаться, стараясь сохранить перед отцом и матерью образ надёжного старшего брата, чтобы они могли не волноваться за оставшихся детей, то теперь он вдруг ясно осознал: у него самого появился человек, на которого можно опереться. Разве это не значит, что и он, как Эрню и Санья, может позволить себе хоть раз быть слабым, быть ребёнком?

Плечо Юй Шанчжи вдруг ощутимо опустилось под тяжестью — и кто знает, может, Вэнь Ецай слишком долго всё сдерживал, но в этот раз он не просто плакал, а дал волю рыданиям, всхлипывая вслух. Слезы хлынули, как прорвавшаяся плотина, мгновенно пропитали его одежду. А потом — всё будто потеряло контроль: трое детей, словно цепляясь за родную наседку, один за другим зарылись в объятия Юй Шанчжи и разрыдались как в последний раз, выпуская всё, что копилось внутри — с болью, тоской и облегчением.

Из всех четверых только Юй Шанчжи привык носить с собой носовой платок — сначала вытирал старших, потом младших. Небольшой кусочек ткани он сложил несколько раз, используя даже последние сухие уголки, чтобы хоть как-то привести троицу в порядок после рыданий. Когда слёзы унялись, и лица были кое-как очищены, все трое с облегчением выдохнули... но стоило им бросить взгляд на одежду Юй Шанчжи — как они разом онемели.

Ткань была вся в складках, словно вымоченная квашеная капуста, то тут, то там поблёскивали влажные пятна — крупных размеров и разных форм. Вэнь Ецай неловко зажал рукой припухшие глаза, на миг замешкался, прежде чем до него дошло, как нелепо это выглядит — и только тогда по-настоящему смутился.

Юй Шанчжи, конечно, и сам знал, что с его одеждой теперь всё кончено — промокла, испачкалась, да и на ветру ощущалась уже неприятная прохлада. Он протянул руку, чтобы забрать обратно платок, но стоило Вэнь Ецаю опустить взгляд, как он тут же скомкал ткань в комок и ловко спрятал себе за пазуху.

- Дома постираю, потом верну, — сказал Вэнь Ецай, голос у него всё ещё был хриплый.

Юй Шанчжи не отнял руки, лишь сменил направление — нащупывая путь вверх. Из-за слепоты движения были неуверенными: сначала он коснулся предплечья, потом плеча, затем шеи и, наконец, добрался до головы. Вэнь Ецай почувствовал, как Юй Шанчжи гладит его по макушке, почти как гладят Давана или Эрвана. И тем не менее... ему это удивительно понравилось.

Когда троица наконец немного успокоилась, пришло время уходить. Юй Шанчжи не торопился вставать. Он оставался в коленопреклонённой позе перед могилами и попросил у Вэнь Ецай чашку.

Чашку наполнили простой жертвенной рисовой водкой. Юй Шанчжи принял её обеими руками, поднял над головой с почтением и, склонившись в глубоком поклоне, медленно вылил содержимое на землю перед курганами.

Голос его прозвучал чётко и ясно, будто в нём зазвенело само обещание:

— Отец, мать, эту чашку я поднимаю как зять семьи Вэнь — в честь вас. И прошу вас быть свидетелями: в этой жизни я, Юй Шанчжи, никогда не подведу А-Е.

Ответом ему стали несколько склонённых над могилами ив, покачивающихся в тишине под лёгким ветром.

<http://bllate.org/book/13600/1205948>